

**ТРАДИЦИИ А. С. ПУШКИНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: С.А. ЕСЕНИНА, В. В. МАЯКОВСКОГО, А. А.
АХМАТОВОЙ**

В детстве входит в нашу жизнь весёлое и звучное имя – Пушкин, и до конца жизни сопровождает нас великий поэт как верный друг, воспитатель доброго и прекрасного в человеке. Одна из великих заслуг А. С. Пушкина состояла в том, что он раньше и глубже всех своих современников понял ту огромную роль, которую в его время приобрела литература как выражение русской общественной мысли, как фактор духовного развития нации, её просвещения.

Творчество А. С. Пушкина завершает процесс развития русской литературы и русского литературного языка XVIII – начала XIX столетия. Вместе с тем его гений стоит у истоков русской литературы XIX века. А. С. Пушкин – родоначальник новой русской литературы, основоположник русского реализма, создатель русского литературного языка. Плодотворное влияние поэта сказывалось во всех областях русской культуры, искусства и литературы. Поэзия А. С. Пушкина является мощным средством нравственного и эстетического воспитания новых поколений. Пушкин всячески поощрял новые таланты в русской литературе. Поэт навсегда останется великим учителем искусства слова.

Выпадающий в силу своей грандиозности из всех, как кажется, типологических ухватов, Пушкин тем не менее является передаточным звеном культурно-исторического процесса, помимо своего абсолютного значения, как бы кощунственно это ни звучало. Ценность уникальная, он, как человек и литератор, говорил и писал на общепонятных языках [1, с. 2].

А. С. Пушкин оказал большое влияние на творчество поэтов Серебряного века, в частности на творчество С. А. Есенина и А. А. Ахматовой.

За «Анной Снегиной» в современном литературоведении фактически закрепилась прочная репутация «самой пушкинской поэмы» С. А. Есенина. После долгих и бурных исканий автор пришёл к Пушкину. Его стихотворения «На родине» и «Русь советская» определённо созданы под влиянием великого поэта. Следует особо указать, что и сам С. А. Есенин в это время довольно отчётливо определяет для себя собственное отношение к Пушкину, в котором явно проступает тот духовно-творческий горизонт, что станет впоследствии его «болдинской осенью» – так в есениноведении именуется один из периодов творчества поэта (сентябрь 1924 года – сентябрь 1925 года), характеризующийся, по аналогии с болдинской осенью Пушкина, высочайшей творческой активностью С. Есенина и новым, особенно по контрасту с «кабацкими стихами» поэта, качеством в художественном осмыслении и отражении действительности [2, с. 157].

Пушкинский миф в русской литературе начала XX века как научная проблема, безусловно, заслуживает концептуального монографического изучения.

Тем более что за последние 15-20 лет опубликован ряд заслуживающих самого пристального внимания работ, свидетельствующих о необходимости взвешенного и детального исследования специфики художественного мифотворчества литературы Серебряного века в её отношении к «магистральной» традиции русского словесного искусства, заложенной Пушкиным. Нам видится

важным подробно остановиться на стихотворении С. А. Есенина «Пушкину», написанном к 125-летию юбилею великого русского поэта и прочитанном автором во время торжественных мероприятий в Москве, на Тверском бульваре, у опекушинского памятника А. С. Пушкину.

Стихотворение начинается с коннотаций, связанных с именем Пушкина в русской культуре. И «могучий дар», и «русская судьба» – по сути дела, канонические номинанты, имеющие самую устойчивую связь с гением Пушкина в национальном самосознании [2, с. 161]. Опыт изучения данной проблемы будет, безусловно, учитывать творческое родство художественных картин мира у А. С. Пушкина и С. А. Есенина на уровне других поэтических доминант, таких как, к примеру, исповедальность и художественная эсхатология.

В 1924 году было написано одно из самых проникновенных признаний А. С. Пушкину – «Юбилейное» Владимира Маяковского. В творческой истории создания этого стихотворения есть любопытная деталь. Один из современников поэта революции однажды на рассвете наблюдал, как Маяковский долго и пристально смотрел в лицо чугунному Пушкину, словно стараясь пытливым взглядом понять эти глаза... Он простоял почти полчаса и потом пошёл домой. Не в те ли мгновения рождался, зрел замысел удивительного разговора с Пушкиным? Да, в этом обращении к Пушкину Маяковский совсем иной, нежели в юношеских своих эпатажах о том, кого следует брать с собой на «пароход современности». Он, как верно замечено, «несколько бравирует, скрывает за этой бравадой смущение», но главное – протянул руку, признался, что может, он один действительно жалеет, что Пушкина нет в живых: «Я люблю Вас, но живого, а не мумию!» Живой осталась пушкинская поэзия, несмотря на все происки пушкинистов старой школы, от которых Маяковский хочет уберечь поэта [3, с. 141].

А. А. Ахматова, вслед за своим духовным предтечей Анненским, глубоко чтит весь предшествующий богатый мир человеческой культуры – от древних эллинов и египтян до Гоголя и Толстого. Пушкин, которого футуристы сбрасывали с так называемого парохода современности, был для неё святыней, неоскудевающим источником творческой радости и вдохновения. Она пронесла эту любовь через всю свою жизнь, не побоявшись даже тёмных дебрей литературоведения, куда входила не однажды, чтобы прибавить к биографии любимого поэта несколько новых штрихов. В «Вечере» А. С. Пушкину посвящено стихотворение из двух строф, очень чётких по рисунку и трепетно-нежных по интонации. Любовь к Пушкину усугублялась ещё и тем, что по стечению обстоятельств Анна Ахматова – царскоселка, её отроческие, гимназические годы прошли в Царском Селе, теперешнем Пушкине, где и по сей час каждый невольно ощущает неисчезающий пушкинский дух, словно навсегда поселившийся на этой вечно священной земле русской Поэзии. Для А. А. Ахматовой Муза всегда – «смуглая».

Словно она возникла перед ней в «садах Лицея» сразу в отроческом облике Пушкина, курчавого лицеиста-подростка, не однажды мелькавшего в «священном сумраке» Екатерининского парка, – он был тогда её ровесник, её божественный товарищ, и она чуть ли не искала с ним встреч. Во всяком случае, её стихи, посвящённые Царскому Селу и Пушкину, проникнуты той особенной краской чувства, которую лучше всего назвать влюблённостью, – не той, однако, несколько отвлечённой, хотя и экзальтированной влюблённостью, что в почтительном отдалении сопровождает посмертную славу знаменитостей, а очень живой,

непосредственной, в которой бывают и страх, и досада, и обида, и даже ревность...[4, с. 27].

Как бы то ни было, но любовь к Пушкину, а вместе с ним и к другим многообразным и с годами всё расширявшимся культурным традициям в большой степени определяла для Ахматовой реалистический путь развития.

Художественное наследие имеет для нас многостороннее и непреходящее значение. Великие произведения искусства и литературы прошлых эпох – это и источник нашего духовного развития, и неповторимый памятник безвозвратно минувшего времени человечества, и могучий стимул творчества новой культуры [5, с. 152].

Таким образом, творчество и жизнь Пушкина хранится в памяти многих поколений. Пушкин живёт, развивается, меняется в социальной памяти, он поистине всегда и бесконечно нов.

Литература

1. Сквозников, В. Д. К понятию «пушкинской традиции» (Пушкин и поздний Жуковский) / В. Д. Сквозников // Русская словесность. – 2001. – № 6. – С. 2–9.
2. Пяткин, С. Н. Пушкинская традиция в поэме «Анна Снегина» / С. Н. Пяткин // Русская литература. – 2007. – № 2. – С. 157–173.
3. Высочина, Е. И. Образ бережно хранимый: жизнь Пушкина в памяти поколений: кн. для учителя / Е. И. Высочина. – М. : Просвещение, 1989. – 239 с.
4. Павловский, А. И. Анна Ахматова: жизнь и творчество: кн. для учителя / А. И. Павловский. – М. : Просвещение, 1991. – 192 с.
5. Бушмин, А. С. Преемственность в развитии литературы / А. С. Бушмин. – Л. : Наука, 1975. – 159 с.